

гументы, направленные къ его жалости, къ его чуткости душевной. Слишкомъ широкій и слишкомъ внимательный, какъ художникъ, къ чужому сознанію, чтобы быть прямолинейнымъ и суровымъ исполнителемъ собственнаго призванія, Толстой колебался между счастьемъ своимъ и счастьемъ другихъ. Не даромъ его лучшая повѣсть старческихъ лѣтъ—«Отецъ Сергій»—написана на тему о томъ, что надо служить Богу не въ уединеніи и не личной святостью, а единственно лишь черезъ дѣйствительную любовь къ людямъ, среди людей, а не уходя отъ нихъ. И какъ въ своемъ старцѣ Сергѣи, человѣкѣ сильной и страстно устремленной воли, писатель неустанно подмѣчаетъ черты человѣческой слабости и одержимости всѣми мелкими побужденіями и пороками, такъ и самъ онъ не перестаетъ колебаться и бороться, подыматься и падать, поддерживая въ себѣ среди того, что его угнетало, раздражало, любовь къ людямъ, терпимость и духъ любовнаго служенія. Проблему истины о служеніи посредствомъ личной святости или посредствомъ служенія на міру людямъ Толстой такъ и не рѣшилъ до конца дней своихъ. Во всякомъ случаѣ, мечта объ «уходѣ» и тихой, нетревожной жизни, озаренной религіознымъ глубокимъ созерцаніемъ, жила въ его душѣ, и лежалъ приготовленнымъ поход-